

Пролог

Не станет ни Европы, ни Америки,
Ни Царскосельских парков, ни Москвы.
Припадок атомической истерики
Все распылит в сиянье синевы.

Георгий Иванов

Катастрофа — это война.

В такой войне есть побежденные, но нет победителей. Есть свои герои, которые мужественно идут на смерть, преодолевают лишения и страдания, являя пример высокого героизма и самопожертвования. За ликвидацией последствий катастроф мы наблюдаем так, будто перед нами — хроника боевых действий. Полем сражения может оказаться обычный жилой дом или городская улица, вагон метро или взлетная полоса аэропорта, заводской цех или машинный зал электростанции, буровая вышка или здание аквапарка...

Катастрофа — это то, к чему нельзя подготовиться и к чему нельзя привыкнуть.

Никто не знает, где и когда нас настигнет демон катастрофы.

На заре XX века поэт Максимилиан Волошин писал: «В сердцах машин клокочет злоба бесья». Писатели, поэты и философы разных стран в начале минувшего столетия много размышляли о том, что человечество вступает в новую эпоху, когда техника может не только заменить человека, но и, возможно, сначала подчинить, а затем и вообще его уничтожить. Писатель Александр Куприн в известной повести «Молох» описывал промышленное предприятие, которое подобно божееству Молоху, «требующему теплой человеческой крови». Но такие предостережения долгое время оставались неслышанными... И это неудивительно, ведь люди, как правило, стараются не замечать дурных предзнаменований. В 1920 году Карел Чапек придумал новое

слово — «робот», которое обозначало человекоподобную машину, наделенную искусственным интеллектом. Ускоряющиеся год от года темпы промышленного роста, переход к конвейерному «поточному» производству, бурное развитие научного знания, начало «гонки вооружений» — все это коренным образом изменило отношение человека и к окружающему миру, и к Богу, и к самому себе. Казалось, что овладение техникой — шаг к могуществу. Человек возгордился, причем возгордился безмерно.

Настоящим символом современного типа катастроф на долгие десятилетия стала гибель британского парохода «Титаник», который в 1912 году во время своего первого рейса столкнулся в Атлантике с айсбергом. Но в новейшей истории России происходили катастрофы не менее трагические и масштабные, чем на шумевшая эпопея «Титаника». Если бы сто лет назад люди внезапно обрели способность увидеть свое будущее, то, наверное, предвидения одной только Чернобыльской катастрофы было бы достаточно, чтобы разрушить тогдашние радужные представления о всемогущей технике. Но «отрезвление» наступило слишком поздно — когда человечество уже не в состоянии отказаться от своей технозависимости: мы привыкли к высоким скоростям, к комфортному передвижению по земле, воде и воздуху, к удобству во всем и к мнимому чувству защищенности от природных стихий. Прогресс — вещь очень коварная. Он создает иллюзию свободы и силы, но на самом деле делает человека легко уязвимым и порой совершенно незащитным.

Удивительно, что, несмотря на частое употребление, выражение «техногенная катастрофа» (от греч. *techné* — мастерство, *genes* — рожденный) по сей день остается не до конца осмысленным.

Понятно, например, что мы имеем в виду под природными катастрофами — извержения вулканов, землетрясения, цунами, засухи, то есть катаклизмы, которые в былые времена называли бы проявлением Господнего гнева.

Несколько сложнее обстоят дела с нашим представлением о техногенных катастрофах. Конечно, неслучайно четкое раз-

деление природных бедствий и технологических катастроф зафиксировано во многих международных документах, например в Соглашении об организации деятельности Красного Креста и Красного Полумесяца, которое было подписано в Севилье в 1997 году. Это принципиально разные явления. Однако задумаемся, можно ли, например, назвать бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, единственный в мировой истории пример использования ядерного оружия, техногенной катастрофой?.. С одной стороны, сброшенная американцами атомная бомба «Little Boy» образцово выполнила свое предназначение, ведь этот вид оружия был создан именно для уничтожения огромного количества людей. Техника исполнила свою «миссию» без сбоев и внештатных ситуаций. С другой стороны, более 140 тысяч погибших жителей Хиросимы — это небывалый в истории пример такого применения техники, когда человек ставит под угрозу собственное существование на земле. *Он убивает не других, а самого себя.* С этой точки зрения всякая современная война — это техногенная катастрофа. Поэтому катастрофичность такого прогресса (а развитие оружия массового поражения — это тоже прогресс) совершенно очевидна.

Примечательно, что некоторые катаклизмы объединяют в себе «природные» и «техногенные» свойства — прежде всего, это катастрофы, вызванные добычей природных ископаемых в сейсмически небезопасных районах. Например, в 1971 году на Старогрозненском нефтяном месторождении близ Грозного произошло землетрясение интенсивностью семь баллов, которое, по оценкам сейсмологов, было спровоцировано разработкой нефтяной залежи. Подобные же землетрясения имели место на Сахалине вблизи городов Нефтегорск и Оха (в 1995 и 1996 годах), а также при добыче полезных ископаемых на Североуральском бокситовом руднике, на Южноуральском бокситовом руднике (1990 год), Соликамском руднике (1995 год) и на других рудниках России. Понятно, что в XX веке «нагрузка» человека на окружающую среду стала столь непомерно тяжелой, что уже сама природа «бунтует» наравне с техникой. «Гнев природы» в подобных случаях

трудно отделить от сбоев в работе сложных механизмов и технических систем. Природа и техника словно бы объединяют усилия в борьбе с человеком.

Если говорить кратко, то можно назвать техногенные катастрофы *рукотворными катаклизмами* («man-made catastrophe»). Их виновником и жертвой становится сам человек. Так люди расплачиваются за свою слепую веру в прогресс и безграничные возможности науки. Чаще всего под техногенной катастрофой понимается аномалия, вызванная сбоем технологической системы. То есть это своего рода акт неповиновения «робота» своему создателю. Таким образом, мы «отсекаем» от интересующей нас проблемы террористические акты, вооруженные конфликты и войны, а также природные катаклизмы.

Вообще катастрофа — это неизбежная спутница прогресса, а техносфера — явление по определению агрессивное и жестокое по отношению к человеку. Следовательно, сколь ни парадоксально это звучит, техногенная катастрофа — *это смерть, которую мы добровольно выбираем*. Давно известно, что в природе всякое вещество — и яд и лекарство одновременно. Так и технологии — они несут и жизнь и смерть. Каждый научно-технический «прорыв» в истории связан с появлением нового типа катастроф.

Мы пока еще не забыли, какую нешуточную тревогу вызвало ожидание 2000 года, когда разработчики программного обеспечения готовились к грандиозным сбоям, вызванным непредсказуемой адаптацией аппаратуры и программ для работы с датами нового века. Нам пророчили и обвал рынков, и внезапное «зависание» компьютеров авиационных диспетчеров, и отказ систем безопасности на атомных станциях... Во многих странах мира люди ждали Миллениума как конца света, вызванного глобальной техногенной катастрофой. Здесь, пожалуй, уместно вспомнить остроумную фразу, произнесенную писателем-фантастом Станиславом Лемом: *«Если ад существует, то он наверняка компьютеризирован»*. Хотя человечество вступило в новую круглую дату безо всяких потрясений, мы в очередной раз почувствовали собственную

уязвимость. Стоит начаться глобальному компьютерному сбою, как все человечество в мгновение ока окажется низвергнутым в каменный век. Может быть, наша перспектива — пуститься в обратный путь по дороге прогресса, из будущего в прошлое?..

Кажется, в последние годы Россия живет от катастрофы к катастрофе. Для того чтобы остановить надвигающийся на нас кошмарный «девятый вал», необходимо понять, как и почему происходят эти трагедии. Данная книга доказывает, что практически каждой из этих катастроф можно было избежать. Год за годом не смолкают споры о том, что же помешало отвести угрозу — легкомысленное пренебрежение опасностью или же преступный умысел.

Вообще в изучении многих техногенных катастроф не обойтись без обращения к такому загадочному явлению, как *деаксия*. Коротко говоря, *деаксия* — это *утрата восприимчивости очевидности*. Очень часто именно она ведет к трагедии. Там, где можно предусмотреть возникновение проблемы, люди порой ее не видят — по легкомыслию или из боязни столкнуться с проблемой. Персонал Чернобыльской атомной станции, решаясь на рискованный эксперимент с реактором, даже не предпринял дополнительных мер безопасности. Неисправным отправлялся в свой последний рейс затонувший в Балтийском море пассажирский паром «Эстония». И подводная лодка «Курск» выходила в свое последнее плавание с неработающим аварийным бумом... Очевидно, что и трагедию на Саяно-Шушенской ГЭС можно было спрогнозировать исходя из катастрофической изношенности ее оборудования. Но во всех этих случаях люди предпочитали закрывать глаза на грозные предвестия будущей трагедии.

Россия за свою историю пережила много катастроф. Но, пожалуй, лишь на рубеже нового тысячелетия каждая катастрофа выглядит как репетиция Апокалипсиса.

Сегодня катастрофы перестают быть «локальными», а их воздействие имеет длительный, отложенный во времени эффект.

В позиции страуса

Техника техникой, но лифт ломается чаще, чем лестница.

Станислав Ежи Лец

Современный американский исследователь Джон Лесли в книге «Конец мира», анализируя сценарии возможных катастроф, пришел к выводу, что сегодня у человечества имеются 30-процентные шансы быть полностью уничтоженным на протяжении следующих 500 лет — прежде всего, из-за утраты нами контроля за технологиями, которые несут смерть и разрушение. А это означает, что риск катастроф снижаться не будет. Прогноз пессимистичен, но он вполне обоснован.

Обратим наш взгляд к России. Создание в нашей стране отдельного государственного «ведомства по катастрофам» — Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий — свидетельство того, что наша страна вступила в такой критический период своей истории, когда катастрофы не только ведут к массовой гибели людей, но и могут нанести сокрушительный удар по российской государственности. Износ промышленных фондов во многих отраслях производства достигает критических пределов, и до сих пор нас еще спасает советский «запас прочности». Но он не безграничен. Президент Национальной ассоциации контроля и сварки Николай Алешин в интервью «Итогам» (12.10.2009) привел устрашающие данные: сегодня в России насчитывается порядка 100 тысяч описанных технологических объектов, а изношенность технологического парка составляет от 50 до 70 процентов, 16 тысяч объектов уже вплотную приблизились к стопроцентной выработке своего эксплуатационного ресурса. «Но самое страшное даже не эти цифры, — говорит Николай Алешин, — а то, что сегодня никто понятия не имеет, каково реальное состояние объектов энергетики, инфраструктуры, машин и прочего оборудования. Все данные берутся только из проектных документов советского периода. Чтобы знать

реальное положение дел, нужно проводить проверки». А проверки — это дополнительные расходы, на которые готовы пойти далеко не все предприятия.

Получается, сегодня мы совершенно не представляем, какие угрозы сопровождают наше ежедневное существование. Не знаем, то есть предпочитаем не знать.

Но долго ли мы сможем прятать голову в песок?